Министерство образования и науки Российской Федерации
Омский государственный педагогический университет

С. Ф. ДЕНИСОВ

АНТИСЦИЕНТИЗМ:
КОНФЛИКТНОСТЬ И НЕГАТИВНОСТЬ

Монография

Омск
Издательство ОмГПУ
2013

УДК 101.1:316
ББК 87.6+87.25
Д33

Печатается по решению редакционно-издательского совета Омского государственного педагогического университета

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор *Д. М. Федяев*;
кандидат философских наук, доцент *Л. М. Карпова*

Денисов, С. Ф.

Д33 Антисциентизм: конфликтность и негативность : монография / С. Ф. Денисов. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2013. – 318 с.

ISBN 978-5-8268-1808-4

В монографии антисциентизм рассматривается сквозь призму феномена «анти», который представлен в формах иронии, пророчества и нигилизма. Обосновывается идея наличия в каждой форме негативизма своего образа науки. В иронии наука представлена в образе Заблудившегося, в пророчестве – в образе Неприятеля, в нигилизме – в образе Губителя. Соответственно сформированным образам науки каждый негативизм предлагает свои действия и стратегии по преодолению фундаментальных конфликтов, вызванных негативным воздействием науки на человека.

Монография адресована тем, кто интересуется философскими проблемами, независимо от профессиональной принадлежности, а также всем тем, кто связал или хочет связать свою судьбу с миром науки. Она может быть полезна аспирантам и соискателям для подготовки к кандидатскому экзамену по истории и философии науки.

УДК 101.1:316
ББК 87.6+87.25

ISBN 978-5-8268-1808-4

© Денисов С. Ф., 2013
© Омский государственный педагогический университет, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава 1. Феномен «анти» и его основные виды 11
§ 1. Философско-антропологическая сущность антисциентизма 11
§ 2. Иронический, или умеренный, негативизм 38
§ 3. Пророческий, или умеренно-радикальный, негативизм 77
§ 4. Нигилистический, или радикальный, негативизм 121

Глава 2. Образы науки и стратегии разрешения конфликтов в антисциентистской традиции 156
§ 1. Иронический антисциентизм: наука-заблудившаяся и стратегии возврата 156
§ 2. Пророческий антисциентизм: наука-неприятельница и стратегии ухода 196
§ 3. Нигилистический антисциентизм: наука-губительница и стратегии отказа 239

Заключение 290
Литература 292

ВВЕДЕНИЕ

Так уж устроен человек, что он всегда к чему-то относится с явной симпатией, позитивно, а к чему-то – отрицательно, негативно. Не является исключением и наука, отношение к которой всегда было и остается весьма противоречивым. Еще на заре становления теоретического знания одни видели в науке панацею от всех бед и невзгод, этакую спасительницу человечества, другие, наоборот, обвиняли науку во всех бедах и несчастьях, с которыми сталкивается человечество в своем непростом развитии, и открыто называли науку губительницей человечества. Эти два отношения к науке привели к становлению и развитию двух мировоззренческих и социально-практических позиций – сциентизма и антисциентизма.

Антисциентизм представляет собой негативное отношение человека к науке. Кто только ни высказывается против науки! Как однажды заметил Ф. Ницше, чаще всего негативное отношение к науке демонстрируют женщины и художники: «…ах, эта скверная наука! – вздыхают они, покорные своему инстинкту и стыдливости, – она всегда разоблачает». Но негативизм женщин и художников ограничивается эмоциональной сферой – вздохами и несчастным выражением лица. Антисциентизм же рациональный и практический демонстрирует свою активность и действенность; он не только формирует индивидуальные поведенческие стратегии, но и выливается подчас во влиятельные социально-политические движения, в частности экологические и антиглобалистские. Антисциентизм рвется во властные структуры, чтобы насаждать свои идеалы всему человечеству. И в этом плане особую актуальность приобретает философско-антропологическое осмысление этого феномена.

Антисциентизм, несмотря на свой негативизм, все же несет в себе некое позитивное начало. Негативизмы фиксируют опасность, исходящую от тех или иных объектов, субъектов,

форм бытия. Негативизм – это своего рода оповещатель, предупреждающий об опасности. И в наше время, когда человечеству угрожают разного рода опасности, когда возрастает угроза благополучному существованию человека, такого рода оповещатели становятся особо востребованными. Человечество нуждается в негативизмах, которые бы сигнализировали ему о грозящей опасности.

Но опасность опасности рознь, ведь существуют разные по степени интенсивности опасности, разные ее уровни. В таком случае и антисциентизм, фиксирующий опасность, исходящую от науки, тоже должен быть представлен разными уровнями. Однако в современной философии, не говоря уже о ранних формах философского знания, этой особенности негативизма не уделяется должного внимания, вследствие чего сущностная специфика антисциентизма ускользает из поля зрения.

Однако прежде чем вести речь об уровнях или степенях интенсивности антисциентизма, необходимо зафиксировать и описать различные уровни негативизма вообще, разновидностью которых является антисциентизм. Отсюда в первой главе речь пойдет о наиболее распространенных уровнях негативизма, или феномена «анти», а во второй главе представлены основные уровни и виды антисциентизма.

При этом необходимо особо подчеркнуть следующее: в тексте монографии для описания разных уровней антисциентизма активно используются два рода метафор и символов – цветовые и географические. Впервые цветовая символика опасностей и угроз, получившая широкое распространение, появилась в США после печальных событий 11 сентября 2001 г. С целью более эффективного оповещения населения и государственных служб об опасности террористических атак в США была введена пятицветная символика уровней террористической опасности – зеленый, синий, желтый, оранжевый, красный. Но больно уж много цветов! Аж в глазах рябит! Во Франции в настоящее время принята четырехцветная символика: желтый, оранжевый, красный, алый. Но увы! Человек должен иметь развитое цветовое зрение, чтобы не перепутать желтый с оранжевым, а красный с алым. Наиболее удачная цветовая гамма была предложена Россией. В этом году, когда выпускается монография, в России активно

обсуждается закон о цветовой символике террористических угроз, где предлагается три цвета, яркие, броские, резко отличные друг от друга, которые может перепутать разве что совсем уж запущенный дальтоник: синий, желтый, красный.

Синий цвет сигнализирует о наличии потенциальной террористической угрозы, предупреждает людей о существовании возможной террористической угрозы общего характера. Желтый цвет говорит о возрастании угрозы террористического акта, об обнаружении признаков реальной опасности для общества. Красный цвет оповещает людей о совершаемой террористической атаке, о нанесении реального ущерба национальной и государственной безопасности и наступлении неблагоприятных последствий. Синий – желтый – красный! Синее небо притягивает, но от него веет холодом и одиночеством. Синее небо обманчиво, как и синий туман, который, как поется в одной из популярных песен, «похож на обман». Желтый цвет – цвет осенней листвы, цвет начавшегося умирания. Красный цвет – цвет крови, гибели. Синий – желтый – красный! Умеренный негативизм фиксирует опасность синим цветом; умеренно-радикальный негативизм видит бытие окрашенным в желтые цвета; радикальный негативизм подает человечеству сигналы красным цветом – цветом наивысшего уровня опасности.

Уровни негативизма можно выразить географическими метафорами. Представим себе людей, заблудившихся в глухой, бескрайней сибирской тайге: изредка встречаются деревушки, кое-где видны даже следы от проехавшего несколько лет назад автомобильного транспорта; в принципе, неуютно, опасно, но выжить можно. Сибирская тайга – метафора потенциальной угрозы жизни человека, это самый низший, малоопасный, умеренный уровень негативизма. Но люди все дальше и дальше углубляются в тайгу и, окончательно заблудившись, продвигаются на север, пока не выходят к Васюганскому болоту – самому большому болоту в мире (есть чем гордиться России!): места безлюдные, озера мертвые, ибо вся рыба убита метаном.

Великое Васюганское болото – метафора обнаруженных признаков реальной угрозы. Трудно преодолеть эти болота, но можно. Профессионалы – геологи, геодезисты, биологи, опытные туристы по внешним признакам способны безошибочно оп-

ределить, проходимо болото или нет: его можно пройти, если его покрывает густая трава и видны поросли сосны; но если на болоте растет простая русская береза да ольха, про почки которой слагаются русские песни, то бойся, путник, такого болота! Трудно его пройти. Но если болото покрыто камышом – поворачивай назад! Вот показались розовые цветки растения под названием «вахта», которая сигнализирует – сюда не суйся, иначе попадешь в трясину!

Трясина – вот метафора губительного бытия, высшего уровня опасности, о которой предупреждает радикальный негативизм. Трясина образуется из синих озер, расположенных в низинах: сначала появляются желтые кувшинки да лилии, белизной окаймляющие желтую сердцевину; одновременно с ними разрастаются водоросли да мхи на дне озера. И вот однажды раздается жуткий звук, то донный покров оторвался и поднялся к поверхности, закрыв собою синюю гладь озера; еще немного времени – и трясина готова принять в себя первую жертву. И совсем не случайно, трясина в переносном смысле символизирует деградацию, неминуемую смерть: трясина пьянства, трясина нищеты. Попал в трясину – думать уже поздно, да и некогда: трясина времени на обдумывание не дает. И исчезает человек в ее чреве навсегда; и тело уже никогда не всплывет.

Коварная и ужасная трясина; она не трогает мертвое, но засасывает все живое. И не отдает его обратно, и это несмотря на то, что трясина – это жидкость. Коварная и ужасная трясина; жидкость не традиционная, не ньютоновская, а бингамовская. Бингамовские жидкости под воздействием небольшого внешнего усилия начинают вести себя как твердые тела, но если порог сопротивления превышен, то ведут себя как вязкие жидкости. Коварная и ужасная трясина!

И думает человек: коль трясина не трогает мертвое, то притворюсь я мертвым; человек становится симулякром. Но увы! Трясину не проведешь! При всем своем желании человек не двигаться не может. Он должен дышать, а эта потребность приводит к необходимости изменять форму тела (при вздохе грудная клетка расширяется), поэтому состояние полной неподвижности оказывается невозможным. Засасывает трясина, и не поплывешь в ней из-за ее бингамовских свойств. Медленно-медленно живое

тело погружается в бингамовскую жидкость, и раздается над красным, булькающим болотом раздирающий душу жуткий предсмертный крик.

Три уровня опасности порождают три вида феномена «анти» – иронический, пророческий и нигилистический. Соответственно этим трем видам феномена «анти» выделяются и три вида антисциентизма: иронический, пророческий и нигилистический, о которых пойдет речь во второй главе. И здесь хотелось бы подчеркнуть следующее: выделенные мною три вида антисциентизма находят свое высшее теоретическое и идеологическое обоснование в каком-либо философском направлении. Опять-таки в современной философии науки если и идет речь о философских основаниях и репрезентациях антисциентизма, то только об экзистенциалистской философии и родственных ей философских направлениях – персонализме, философии жизни и других. Но в экзистенциализме наиболее ярко и последовательно представлен пророческий, или умеренно-радикальный, антисциентизм. Другие виды антисциентизма свое выражение находят в других философских направлениях. Иронический антисциентизм в основном проявляется в постмодернистской философии, а выразителем нигилистического антисциентизма явилась киническая философия.

Таким образом, выстраивается довольно-таки стройная концептуальная схема, в систематизированной и развернутой форме представляющая антисциентизм. Подобная концептуальная схематизация, как мне представляется, будет способствовать более успешному и углубленному освоению студентами философских специальностей и аспирантами, изучающими философию науки в рамках поствузовского образования, чем те разрозненные представления о феномене антисциентизма, которые бытуют в современной философской литературе, как учебной, так и научной.

Основной методологией исследования феномена «анти» вообще и антисциентизма в частности в данной работе выступает философско-антропологический подход. В своих ранних работах я уже пытался обосновать, что философско-антропологическая проблематика является центральной для философии, и ей должны подчиняться все другие традиционные разделы

философской науки: онтология, гносеология, этика, эстетика и другие. Разумеется, эта мысль не нова, вспомним хотя бы три известных вопроса, поставленных И. Кантом и объединенных четвертым вопросом: «Что такое человек?» Но новым в моих философско-антропологических исследованиях является постановка основного вопроса философской антропологии – вопроса о моделях и стратегиях спасения. Но этой же проблемой традиционно занимается религия, которая незаметно для многих философов, в частности для гениального И. Канта, узурпировала эту проблему, заставив философов ограничиться только онтологическими и гносеологическими проблемами. «На что я могу надеяться?» – этот вопрос, по мнению кенигсбергского философа, остается за религией, но не за философской антропологией. Как мне представляется, реабилитация философской антропологии начинается со знаменитых слов Ф. Ницше: «Бог умер». Бог умер, а значит, умерла религия спасения, и ее место должна занять философская антропология. Однако, прежде чем вести речь о моделях и стратегемах спасения, необходимо ответить на вопрос: «От чего спасаться и как?» И большой вклад в решение этой проблемы был внесен философским негативизмом. В этом плане обращение к феномену «анти» будет способствовать развитию философской антропологии – философский негативизм составляет существенную часть философской антропологии как науки. Но и здесь не все выглядит так гладко, как это представляется на первый взгляд.

В современной философии (да и в не очень-то современной) сложилась довольно-таки устойчивая традиция рассмотрения основных видов негативизма как феноменов, несущих в себе мощный конструктивный, созидательный заряд. По мнению Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Э. Юнгера, А. Камю, А. Ф. Лосева и других великих философов, негативизмы не ограничиваются сломом и уничтожением старых, отживших ценностей, они всегда созидают новые ценности и конструируют стратегемы спасения. Эта идея внедряется в современную философию с какой-то патологической одержимостью. И если мы будем придерживаться такой традиции, то тогда должны выбросить на свалку интеллектуальных идей все многочисленные религиозные и философские концепции, в которых обосновываются и конструи-

руются позитивные модели и стратегемы спасения, ведь эту роль с успехом способны выполнить всякого рода протестные идеологии и движения.

Конечно, феномен «анти» играет положительную роль в выживании человека и его ценностном самоопределении. Однако основная цель мировоззренческих негативизмов заключается в предупреждении, оповещении человека о грозящей ему опасности и конструировании, демонстрации основных стратегий преодоления опасностей и как конечный, высший смысл – достижение безопасного состояния, но никак не спасительного. Негативизм стремится к созданию безопасного общества, и в этом плане содержание негативизмов как философско-антропологических идей и концепций чем-то напоминают содержательные смыслы школьных и университетских курсов по ОБЖД (основам безопасности жизнедеятельности), но никак не по основам спасения как учения о совершенном состоянии общества.

Философско-антропологические смыслы негативизмов вызывают у меня также некоторые ассоциации с деятельностью противопожарных служб. Прибывшие на место пожара отделения противопожарной охраны затушили его, после действий огня и применения средств по его тушению осталось разрушенное здание. Но это никак не означает, что пожарные команды должны броситься на восстановление разрушенного здания – это не входит в их компетенцию, это дело других команд, в частности строительных компаний. Также и философско-антропологические негативизмы – они сделали свое дело: предупредили людей о грозящей им опасности и указали пути преодоления ее.

Антисциентизм никакой новой науки взамен старой, якобы отжившей и представляющей опасность для человека, не создает. Антисциентизм, как и любое явление «анти», предупреждает об опасности, исходящей от науки, и предлагает: или путь возврата к древним пластам науки, а порой и донаучного знания, или пути ухода от грозящей благополучию человека науки, или пути отказа от губительной науки, отказа ей в какой-либо помощи, без которой наука погибает. Однако возврат, уход и отказ не являются путями и способами спасения. Этими действиями человек избегает опасности и достигает довольно-таки безопасного состояния, но никак не спасительного.